

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Часть первая	45
Часть вторая	106
Часть третья	244
Часть четвертая	414
Приложение	417
Краткий список использованных источников	427

Предисловие

Сталин обладал большим чувством юмора и сарказма...

Уинстон Черчилль

«Сталинская эпоха ушла в прошлое, осужденная, оплеванная, окарикатуренная, но не понятая», — писал философ Александр Зиновьев, некогда убежденный антисталинец, диссидент-антисоветчик со стажем.

Многое переоценивший, особенно в результате горбачевской перестройки и постперестроечных трагедий, он продолжал: «Сталинская эпоха была юностью советского общества, периодом превращения его в зрелый социальный организм. И хотя бы уже потому она заслуживает нечто большего, чем осуждение: она заслуживает понимания».

Понять и познать Сталина и сталинизм бывает и просто, и нелегко одновременно. Таково диалектическое свойство любого мало-мальски заметного явления в истории. Сталинский же период ее не зря назван ЭПОХОЙ. Это значит, что для ее осмысления и извлечения соответствующих уроков требуется намного больше, как времени, так и умственных сил плюс основательный нравственный потенциал, чем для любого другого отрезка мировой истории.

Жизнь в сталинском СССР была счастливой и трагической, цельной и двойственной, солидарной и противоречивой, но осталась уникальной и великой, пронизанной неизбывной мудростью и... искрометным весельем. Она продолжает плодоносить отличным, бодрящим юмором. Поэтому изучать ее, дивиться ей будут долгие века многие поколения. О гнилых плодах, которые нам пытаются всучить, как якобы выращенных на ее почве, я скажу далее.

А сегодня мы пока больше дивимся дремучему невежеству тех людей, которые убеждены, что наиболь-

ший вред нашей стране за всю историю нанесли не татаро-монголы, не фашисты и даже не осточертевшие евреи, а персонально И.В. Сталин. В результате, когда однажды по московскому радио транслировалась викторина и был задан вопрос, кто продал Аляску американцам, некто на полном серьезе ответил: Сталин продал. Хоть плачь, хоть смейся. С одной стороны, это — приговор низкой культуре десталинизированного общества. С другой — готовый, спонтанно родившийся анекдот. Причем, не антисталинский, а в пользу вождя.

Труднее всего понимать реальности сталинской эпохи тому, чьи мозги замусорены буржуазными агитками и дешевыми антисталинскими сочинениями, в изобилии извергаемыми телевидением, радио, печатью. Пресловутая и лживая «свобода слова» — эта пародия и на свободу, и на слово, и на саму мысль — атомизировала массовое сознание. То есть разбила его на неспособные к осознанному интегрированию части. Особенно на Западе. Но и у нас для значительного количества людей история страны и мира остается неизвестной или малопонятной, а чувство юмора — атрофированным.

Юмор, смех — это интеллектуальная разгрузка и психологическая гигиена, это встряска для ума и тела, духовная подзарядка. Лишь в этом случае они побуждают ДУМАТЬ и ДЕЛАТЬ, стимулируют нравственное самосовершенствование и нетерпимость к социальным и биологическим извращениям. Этой функции лишена гогочущая пошлость жванецких и хазановых, «комеди клубов» и «наших раш». В их выступлениях при несомненных отдельных остроумных находках стимулируется прямо противоположное: бездумье, беззаботность, безделье. Они склоняет к терпимости по отношению к самым гадостным порокам бытия.

Раскрепощение разума?

Раскрепощение инстинктов.

Пополнение интеллектуального багажа?

Пополнение мощны дельцов шоу-бизнеса.

Свобода живой, яркой личности?

Свобода расфуфыренного стада с мозгом размером в горошину.

Свобода — вещь достаточно серьезная, как в философском, так и в практическом плане. Но в жизни хватает уморительных профессионалов и любителей от свободы, которые обращаются с этой норовистой лошастью, воспринимая ее так, как детишки — деревянную лошадку на колесиках.

От них слышишь: «Но меня же в сталинском СССР могли посадить за анекдот о вожде. Нет, не надо мне такого режима, при котором за анекдот сажают...».*

Известно ироническое выражение: не учите меня жить, лучше помогите материально. Учитывая, что на постсоветском пространстве организаторы платного плача по свободе обрели не только любимую игрушку, но и солидное финансовое положение, можно было бы надеяться услышать от них: в материальной помощи не нуждаюсь, лучше научите меня жить.

Увы. Обожравшееся брюхо к науке глухо. Поэтому без всяких потуг на учительство просто довожу аксиомы об-

* Слово «анекдот» вошло в русский язык в конце XVIII — начале XIX вв. Так называли более или менее правдоподобную историю о каком-нибудь видном персонаже из прошлого или настоящего. Это придавало остроту и легкое изящество светской беседе. К началу XX в. анекдот из аристократической среды перекочевал в мещанскую. Появились пошлость и плоский юмор. Некоторые представители русской знати стали считать рассказывание анекдотов дурным тоном. В сущности говоря, такой процесс шел и в других странах. Тем не менее, аристократы «баловались» неизящной словесностью, да и народ полюбил анекдоты. Самые блестящие образцы жанра фактически построены на сюжетах из многовекового фольклорного богатства. Более того, многие из них, рождаясь в гуще народной, обретали некую воспитательную функцию, в них прибавилось философии. Как ни странно, но классификация анекдотов довольно сложная, даже путаная. В порядке упрощения я бы разделил их всего на два типа: полезные и мусорные. Обе характеристики, разумеется, должны быть обусловлены социально. (Здесь и далее в сносках примечания мои. — А.Г.)

ществоведения до сведения тех, кто наслышан про анекдотобязнь в эпоху товарища Сталина.

Итак, не спеша загибаем пальцы.

Во-первых.

Необходимо делать серьезную поправку на время и обстоятельства. А знают ли «просвещенные» и «свободолюбивые» господа, что до войны во всех сопредельных государствах, кроме Монголии, царили фашистские либо полуфашистские порядки? Прибавим сюда десятки стран поодаль, да сотню с гаком колоний. Тамошнее население зубоскальством по адресу правящих государственных мужей сильно не расслаблялось. Даже если речь шла о вышучивании чиновников провинциального масштаба. Помалкивало в тряпочку, коль собственная шкура была дорога. И это мягко сказано. Ибо в колониях такая воляность граничила с богохульством со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Во-вторых.

В мадемуазельно-марсельезной Франции поострить в захолустанном винном погребке о власть предержажших, действительно, допускалось. Но попробовал бы кто-нибудь из подданных английской короны громогласно пройтись по адресу носителя этой короны, находясь в зоне досягаемости правоохранительных слуг их высочества. (В силу компактности островного государства его жители в сей зоне находились и находятся практически постоянно.)

Да что там Англия. Никто из «всяких прочих шведов» разного географического местоположения не отваживался прилюдно каламбурить по поводу своих августейших особ. Что же касается особ и вовсе ничтожных — лавочника, например, то шутников та особа очень часто и очень запросто могла поколотить, выгнать с работы, лишить жилья. Как самолично, так и при помощи полиции.

В-третьих.

США — оплот свободы и демократии, а также колыбель анекдотов, зачатых соответствующей поправкой к конституции и рожденных разлитым масс-медийным

морем. Правда, знакомо подобное суждение? Но его имеет обычно тот, кого вместо материнского молока вскормили кока-колой. Можете представить себе негра в южных штатах, который не то, что по адресу хозяина Белого Дома съязвил, а просто вздумал печатно либо устно пошутить над белым джентльменом или, боже упаси, белой леди? Шериф уже прятал бы в кобуру дымящийся кольт...

Кто-то скажет, что все это в прошлом, что сегодня президентом США может стать чернокожий афроамериканец. Хм, так ведь и мы, сопоставляя нравы советские и североамериканские, говорим о прошлом — о сталинской эпохе. В ту пору шерифский кольт дымился, где чаще, где реже, но наискосок через все штаты: от Сиэтла до Хьюстона, плюс Аляска. Кроме того, президент Барак Хусейнович Обама-младший является чернокожим лишь наполовину. (С точки зрения расистов-европеоидов папа подкачал, с точки зрения расистов-негроидов мама подкачала. Хотя, между прочим, по маме он и вовсе происходит из самых что ни на есть «богоизбранных» белых.)

В-четвертых.

Миллионам китайцев, индийцев, арабов, африканцев, находившимся в орбите мирового капитализма и умиравшим от голода и карательных экспедиций на протяжении большей части XX века, было, извините, не до юмора. Равно как миллионам крестьян Латинской Америки, на которых кое-где латифундисты охотились с собаками, как на животных, и которых они во многих регионах еще со времен испанского владычества отучили смеяться вообще. Полноразмерная улыбка как тень надежды мелькнула на челе латиноамериканских бедняков лишь после событий 1917-го в далекой России. А массово стала возвращаться к ним на волне подъема освободительного движения во второй половине прошлого столетия и победы кубинской революции.

В-пятых.

Горстку куцых территорий, где за политический юмор не били, не сажали, не расстреливали, нам хотят выдать за

образец для подражания? Нам, находившимся в сталинскую эпоху в жесточайших клещах самых реакционных и самых могущественных внешних сил? Нам, без посторонней помощи выбиравшимся из разрухи и темноты к экономическому и культурному расцвету? Нам, которым пятая колонна всаживала нож в спину, а на рукоятке того ножа, как отпечатки пальцев, оставались анекдоты? Не слишком ли много риторических вопросов, включая последний?

В-шестых.

Перебрасывая мостик в наши дни: с чего вы взяли, что в мире царит свобода слова и нет никакой цензуры? Я толкую не об «отсталом» поясе Азии, Африки и Латинской Америки с его многомиллиардным «лишним населением». Я имею в виду «передовой» Запад с его благословенным «золотым миллиардом».* Желающих оседлать коня свободы и поржать вместе с ним здесь хоть отбавляй.

*«Золотым миллиардом» принято называть население наиболее экономически развитых стран Запада. В развернутом идеологическом понимании этот регион включает в себя неславянскую Европу, нелатинскую Америку, Японию, Австралию, Израиль, «белую» Африку. Действительно, человечество перевалило за семимиллиардный рубеж, а относительно высокие материальные стандарты жизни имеет только «золотой миллиард». Термин устоялся, однако на самом деле это вовсе не миллиард, а приблизительно половина названной цифры, ибо людей нуждающихся, лишенных доступа к большинству благ западной цивилизации, в ее собственной среде предостаточно. «Золотомиллиардная» часть планеты, являясь цивилизационным меньшинством, расходует на себя до 80% мировых природных ресурсов. Не за счет своего таланта, не по праву законного владения, не ради прогресса человечества, а за счет неэквивалентного товарообмена, по праву наглого силача, ради собственных прихотей. «Золотомиллиардники» не желают сокращать собственный роскошный уровень потребления, хищнически относятся к невозобновляемым ресурсам и зрятятся на природные богатства всего земного шара. Рост незападного человечества рассматривается ими, как угрожающий вызов: набралось чересчур много едоков, которые мешают сытно и комфортно существовать живоглотам Запада. Число «неэкономических», «нерентабельных» земель они определяют более чем в 6 миллиардов.

Но, если перечислить законодательные запреты на «ржание», принятые в большинстве стран Европы, примкнувшего к ним Израиля и паханствующих над ними США, то не хватит всего предисловия к этой книге. Позорный парижский журнальчик «Шарли Эбдо», отличившийся бесстыдными карикатурами, может сколько угодно глумиться над русскими или арабами. Но пусть он только посмеет замахнуться на израильтян, на сионистов вообще.

Завершая загибание пальцев, перейду от дольной к горней ситуации в области юмора. Вечной и неизменной.

Кто-то где-то как-то сказал, претендуя, видимо, на божественное откровение, что свободы на этом свете нет, она есть лишь на свете том. Спешу разочаровать: ее не просматривается ни в вышних, ни в преисподних сферах. В самом деле, попробуйте-ка рассказать в раю анекдот со сквернословием. Ангелы с архангелом вас мигом вышвырнут в ад. А в аду мало не покажется хулителю вельзевула. Младшие черти донесут о смутьяне князю тьмы — и вариться заживо в кипящем котле станет для бедолаги-смутьяна не самым сильным наказанием. Будут и похлеще.

Добро бы вся критиканствующая антисталинская публика с ее двойными стандартами изучала и оценивала тему свободы научно и социально опосредовано. Она же смакует тему, словно попивая ее, ну прямо как коктейль в баре — не более того.

Ладно, согласилась эта публика, без анекдотов можно прожить. (Вот спасибо, мы не знали.) Однако невозможно, дескать, примириться с отсутствием других свобод в сталинском обществе. И тут она затронула вторую после анекдотов «большую» для нее тему.

Еще раз напомню, что судит она обо всем, находясь в баре XXI века с коктейлем в руках, и в упор не видит ничего за пределами не то, что века, но даже отдельно взятого бара. Не ведает, что там, вне пространства и времени ее обитания, большинство человечества мечтало и мечтает не о глотке коктейля, а о куске хлеба.

Мне, да и, наверное, многим приходилось слышать от многого отечественного туриста, вернувшегося из поездки в Турцию или Испанию: «Разве мог я мечтать съездить туда при твоём Сталине? Так что не агитируй меня, не нужно мне твоего сталинизма с его закрытыми границами...»

Вот уже и на «ты» перешли. Хорошо. Опять загибаем пальцы.

Во-первых.

Агитирует не сталинизм, а сама жизнь нашей расколотой на части державы, где огромное число людей не то, что за границу — в соседний город с трудом выбирается. Чаще по банальной, бытовой причине: нет денег, а билет даже на электричку или автобус дорог. Порой — по причине политической: визу не дали либо ее хлопотно получить, ибо город-то уже закордонный, иностранный.

Наконец, того, кто, экономя на общественном транспорте, долго бредет пешком на работу и с работы, меньше всего заботит поездка в Монако или Абу-Даби, в другие места, популярные у богачей — прожигателей жизни. Ведь поваляться недельку на пляже в Анталье или Хургаде — ему и то не по карману. (Я имею в виду то население, которое находится у черты или за чертой бедности и которого в России по разным данным от 40 до 60 процентов.)

Во-вторых.

С фашистскими и полуфашистскими государствами тебе по-прежнему что-то неясно? С 20-х до 50-х годов прошлого века в Турции или в Испании с их автократическими режимами тебя как гражданина СССР обычно поджидали не горячий донер-кебаб или прохладная мансанилья в местных ресторанчиках, а скудный паек в местной кутузке. Угодить же в нее можно было всего лишь за то, что у тебя была, как говаривал Владимир Маяковский, молоткастая и серпастая краснокожая паспортина.

В-третьих.

Ты же просто не ведаешь, что на большей части Европы, да что там Европы — земного шара — были всего две-три страны с относительно свободным въездом-вы-

ездом. Забыл, что Африка и Азия до шестидесятих-семидесятих годов минувшего столетия стонали в колониальных кандалах и бдительные колонизаторы туда не всякого постороннего европейца пускали. Никто не рассказывал тебе, что в первой половине XX столетия даже богатые «белые люди» не рисковали ездить на отдых в большинство стран Латинской Америки. (Догадайся сам — почему.)

Словом, отпустил бы тебя Сталин на все четыре стороны и куда ты, бедолага, смог бы податься? Может, в Таиланд, где тебя, как «красного лазутчика», долго бы лупили по пяткам бамбуковыми палками в ближайшем полицейском участке.

В-четвертых.

Твое незнание касается не только прошлого, но и настоящего. Вернувшегося из Турции соотечественника я спросил однажды, что он видел в Стамбуле. Дело не в том, что он красочно описывал изобилие товаров в Капалы Чарши — на Крытом рынке Стамбула. Шоп-турист он и есть шоп-турист. Но каким же надо быть шопоголиком, чтобы не заметить, как в нескольких кварталах от того места, где он выгодно отоваривался, в это же самое время шли настоящие бои турецкой полиции с турецкими демонстрантами. С применением бронетехники и вертолетов. А уж вой сирен стоял — не приведи господь. Но вкусивший радостей постсоветского шопинга не слышал ни воплей, ни сирен, ни выстрелов, не видел ни убитых, ни раненых.

В-пятых.

Это действительно прекрасно иметь возможность путешествовать, как по своей стране, так и по другим. Но воюжи богатых россиян на альпийские горнолыжные курорты смешно принимать за туризм. Ныне среднему россиянину в общем-то по средствам слетать ненадолго в некую экзотическую страну, чтобы пожить в дешевеньком отеле, попляжиться да поглазеть на местные достопримечательности. Я же предлагаю начать с элементарного — с некогда доступного туризма на необъятных просторах СССР.

Можно ли (т.е. по карману ли сегодня) уральскому студенту, не имеющему родителей-олигархов, съездить

на Рижское взморье? Можно ли обыкновенным ростовчанам побывать в долине гейзеров на Камчатке? Можно ли пенсионеру из Армении совершить экскурсию на Алтай? Можно ли рядовому эстонскому рыбаку ознакомиться с красотами Закарпатья? Можно ли таджикским дехканам отправиться на отдых в Сочи? Можно ли простому украинцу совершить поход по туристским тропам вокруг Байкала или Иссык-Куля? Можно ли рабочему-москвичу скопить денег, чтобы провести месячный отпуск с семьей в Приэльбрусье, да еще вернуться всем оттуда целыми и невредимыми?

Понятное дело, я не настаиваю на ответах, и даже приношу извинение за бестактные вопросы.

В шестых.

Кладем не на мечтательные, а на конкретные, элементарные веса человеческой жизни базовые духовные и материальные ценности. На одну чашу — демагогически-липкую открытость границ при СНГовенных режимах с их унылыми и опоганивающими все святое в людях рыночными отношениями. Добавляем сюда же шмат нездорового, сального, тухловатого юмора с гнилозубой сатирой. На другую чашу — богатейший набор социальных преимуществ сталинского режима.

Кратко перечислю их: бесплатное или крайне дешевое жилье, такое же продовольственное обеспечение, образование, здравоохранение, разнообразный и доступный досуг и отдых, включая небывалое развитие физкультуры и культуры вообще. А также — не на словах, а на деле равенство и общественный порядок с их бескорытием, энтузиазмом, дружбой, прочими высокоморальными проявлениями отношений между людьми и народами. Добавляем сюда крутотелую, румянобокую и зубастую сатиру с прослойками здорового, сочного юмора.

Есть и в седьмых, и в восьмых... Но — довольно. О более «серьезных» упреках в адрес сталинской эпохи я промолчу. Иначе они нас далеко уведут от главной темы этой книги. Да и нового в них ничего нет. Упрекающие опять

разводят бодягу насчет «незаконных массовых репрессий» и прочую многократно опровергнутую трепотню. Обратим внимание лишь на то, как смешон бывает тот или иной критик сталинизма, разгоряченный высокоградусным пропагандистским пойлом, поданным ему хоть с университетской кафедры, хоть в вечерней телепрограмме, хоть на деревенской завалянке...

И вот, что интересно. Несмотря на процессы глобализации, все больше усиливаются непонимание, многочисленные антагонизмы внутри и вне обществ, разделенных по признакам социальной, национальной, религиозной и иной принадлежности. Даже юмор — уж на что, казалось бы, универсальное явление — стал приобретать все более яркие черты не только культурного, но и классового раскола.

Взять те же самые байки вокруг Сталина. Одну и ту же историю сталинист и антисталинист воспринимают совершенно по-разному. Нередко то, что смешно для одного, вызывает негативные эмоции у другого и наоборот. То, что одни рассматривают в качестве, если не тормоза, то вспомогательного движка, другие рассматривают в качестве, если не главного двигателя в целом, то его основы.

Вульгарная социология приписывает анекдотам чуть ли не решающую роль в политической и других сферах жизни. Пытается усмотреть в них основополагающие инструменты изменения общественного сознания. Считает, например, что обилие анекдотов о Сталине суть свидетельство сопротивления режиму вчера, неприятия сталинизма сегодня, недопущения его завтра.

Это, безусловно, ерунда. Первое лицо государства везде автоматически становится главным героем современных ему анекдотов, рассказывают ли их громко или передают шепотом. Если о нем и после смерти продолжают возникать анекдоты, то это признак незаурядных или даже выдающихся качеств его личности. Пример навскидку: анекдоты о Брежневле отходят в прошлое, о Сталине — множатся.

Всегда есть общественные движения, сплоченные на базе того или иного манифеста, даже плохого и косноя-

зычного. Не было и не будет движений, сплотившихся на базе шедевров анекдотного жанра. Анекдот — незначительная частица культурной надстройки и к экономическому базису имеет подчиненное отношение. Ну, а то, что частица сия популярна настолько, что может быстро облететь весь мир, является вполне закономерным явлением в свете ускорения темпов жизни, развития коммуникаций и более тесного общения людей.

Расширение и углубление общения, однако, не есть признак единомыслия. В десталинизированном, а по большому счету в любом капиталистическом обществе разница между людьми, особенно между богатыми и бедными, между сторонниками западной либо восточной цивилизационной ориентации непрерывно увеличивается. И если кто-нибудь думает, что дело касается только экономических систем и традиционных бытовых укладов, эфемерных идей и виртуальных идеологических конструкций, то он жестоко ошибается. Прежде всего, ошибается в понимании идеологии, как сферы, где перекрещиваются, то одерживая верх друг над другом, то сливаясь, то взаимоуничтожаясь, духовные и материальные составляющие нашей жизни.

При этом идеологическая кройка и шитье в обязательном порядке должна иметь швы и строчки из юмора.

Идеология... Если коротко, то это есть система взглядов, ценностей, норм, воспринятых организацией, слоем, классом или всем обществом, с определением, как путей развития этих взглядов, так и целей, способов, рычагов их распространения и защиты.

В прошлом идеологию частенько называли ложным сознанием. Да и сейчас примеров ее ложности не счесть. Однако в стране победившего социализма — в ленинско-сталинском СССР, в других странах, последовавших советскому примеру, в огромном числе большевизированных политических организаций мира идеология обрела подлинно научный характер. Там она сливалась с образом жизни ее адептов, каковой формировался в лучших народных традициях.

Идеология суть ОБЩЕЕ дело ее носителей. Не по формальному, а по истинному служению этому делу. Только тогда она динамична и перспективна. Тогда она в каком-то смысле даже мистически подвигает людей на преодоление невероятных трудностей и на впечатляющее созидание. В послесталинской державе объявленное дело — строительство коммунизма — все меньше являлось общим. Соответственно идеология постепенно теряла и динамичность, и перспективность, и мистику свершений.

По мнению серьезных и компетентных ученых «идеология не сможет оказаться эффективной и консолидировать раздираемое противоречиями общество, если не предложит некую структурирующую мегаматрицу, не даст некое стратегическое направление такой структуризации». Сказано сложно, но верно.

Остается присовокупить, что ее сила сосредоточена не только во властных и общественных структурах, но и в способности к творческому обобщению новых социальных явлений. Как это ни покажется кому-то странным, но исторический анекдот едва ли не самый гибкий инструмент таких обобщений.

Я не хочу сказать, что, если мы не будем придумывать анекдоты, не научимся воспринимать остроту слова с той же энергией, что и остроту некой ситуации, то общество не сможет мобилизоваться, модернизироваться, прогрессировать. Однако сатира — это грозовой разряд в ставшей душноватой атмосфере, это вихрь свежести и обновления. И анекдот — это, действительно, ее неотъемлемая, органичная, общедоступная составляющая.

Сфера идеологии окутывает жизнь социальную в точности, как земная атмосфера окутывает жизнь природную.

Общеизвестно, что земная атмосфера может быть чистой и грязной, оздоравливающей и отравляющей. Она проникает в тело и бедняка, и богача, и дай-то бог, чтобы всюду и всегда была полезной, лечащей. Так обстоит и с идеологией. В качестве спасающего лекарства либо губящей отравы, она прямо либо косвенно проникает и в бед-

няка, и в богача. Во всё — в разум, душу, тело. Она — в полизначности бытия. Она естественным образом доминирует во внутренней и внешней политике. И одновременно проявляется, живет даже в таких, вроде бы независимых от нее областях, как отношение к спорту, музыке, к институту брака и семьи. Она сокрыта в деятельности банков и фондовых бирж, в работе ведущих отраслей промышленности. Но не только. Ею как бы начинены изделия фастфуда, поскольку идеология буквально выпирает из «невинного» производства биг-маков и пончиков, да и вообще из всех остальных разнообразных занятий человека.

Не зря меры некоторых правительств по запрету либо ограничению деятельности «Макдоналдса» западники всякий раз истошно именуют политическими. США усматривают, и небезосновательно, именно идеологические мотивы подобного преследования (каковое, на мой взгляд, является вполне закономерным, справедливым).

Хорошо подмечено одним западным исследователем: всего лишь просто насвистывая мелодию, человек уже проходит стадию политического обращения, ритуал социализации, ступень идеологической учебы. Буржуазные идеологи не скрывают, что, например, посредством куклы «Барби» пропагандируют североамериканский образ жизни. Относительно же секса...

Курам на смех, скажет кто-нибудь, узнав, что в новой книге о Сталине и сталинизме, которую я готовлю к печати, уделено достаточно места для разговора о сексе с политической точки зрения. Советую, однако, не спешить с выводами. Читатель, конечно, имеет право рассматривать это упоминание в качестве ловкой авторской рекламы. А я имею право не разочаровывать ни любителей ядерной шутки и такого же смеха, ни приверженцев серьезного, строго аналитического чтения, и заявить:

Оказывается, таки-да, сталинизм — удивительно глубокий, многосодержательный феномен, вбирающий и раскрывающий лучезарные грани даже столь скрытой стороны бытия. Он отсекает от интимных отношений между